

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Тарту)

К ИСТОРИИ СУФФИКСА *-men* В КОМИ ЯЗЫКЕ

Происхождению суффикса *-men* в коми языке и рассмотрению отглагольных образований с этим суффиксом посвящено немало работ. С его помощью в коми языке образуются деепричастия, выражающие дополнительное действие как меру и степень проявления главного действия, например, *мудзмӧн уджавны* 'до устали работать' (СКЯ I 246). Эта форма отсутствует в ижемском диалекте коми языка (ИД 101) и в коми-пермяцких диалектах (Баталова 1982 : 154). В удмуртском языке с помощью суффикса *-тон* образуются сходные деепричастия, обозначающие возможное или необходимое действие как следствие другого действия и выражающие меру осуществления последнего, например, *кышетэз котмымон бӧрдӱз* 'плакала так (долго), что платок (ее) промок' (ГСУЯ I 289—290). Сходство этих образований отмечается многими исследователями, однако история суффиксов трактуется неоднородно: удм. *-тон* < **-т* (суффикс финно-угорских глагольных имен) + **-н* (суффикс финно-угорских глагольных имен), коми *-men* (*-т* — суффикс современного отглагольного существительного + *-en* — суффикс творительного падежа).

Возникает вопрос: почему такие близкородственные языки используют для выражения идентичного содержания разные по составу и по развитию суффиксы? В статье предпринимается попытка на основе анализа составляющих коми суффикса, его морфологической семантики и синтаксического употребления словоформ с этим суффиксом представить иную трактовку состава и истории развития суффикса *-men*, в принципе идентичную с историей соответствующего удмуртского суффикса *-тон*.

1. Фонетический аспект.

1.1. В фонетическом плане бросается в глаза прежде всего идентичность консонантных элементов коми *-men*, и удм. *-тон*.

1.2. Коми и удмуртский суффиксы различаются качеством гласного — удм. *о*, коми *е*. В коми языке гласный суффикса *е* имеет вариант *е* в верхневычегодском диалекте: *каштимэн котэртни* 'бежать до одышки' (ВВД 115). Вариант *е* является более поздним, развившимся из *е*, кото-

рый сохранился в верхневьчегодском диалекте, наиболее архаичном по системе гласных (Лыткин 1964 : 236, 238). Удм. *о* объясняется sporadической лабиализацией прапермского **ε*. Конечный гласный суффикса мог выпасть еще в прапермское время (Основы I 202). Фонетическую эволюцию суффикса *-теп* реконструируем следующим образом: **tēnē* > **tēn* > *tēn* > *теп*. При этом вокалический элемент внутри сложных суффиксов несет главным образом соединительную функцию и обычно не является носителем грамматического значения.

2. Морфологический аспект. Рассмотрим отдельные компоненты суффиксов и общее значение форманта.

2.1. Элемент *т*. Д. Фокош-Фукс элемент *т* в удмуртском суффиксе возводит к отглагольному суффиксу с мгновенным значением *-т*, ссылаясь на Й. Буденца, и здесь же отмечает, что данный элемент не идентичен элементу *т* коми суффикса (Fokos-Fuchs 1958 : 292). По мнению Т. Лехтисало (Lehtisalo 1936 : 98), А. И. Емельянова (1927 : 94), Б. А. Серебренникова (1963 : 301), элемент *т* восходит к финно-угорскому суффиксу глагольных имен **-т*. Думается, второе мнение более приемлемо, так как большинство суффиксов инфинитных глагольных форм финно-угорских языков восходят к единым источникам, Х. Рятсеп выделяет девять общих показателей этих форм (Rätsep 1954 : 431—433). В коми языке элемент *т* возводят к идентичному суффиксу **-т* (Суханова 1951 : 21; Fokos-Fuchs 1958 : 282; Серебренников 1963 : 304; Kövesi 1965 : 229). Однако в литературе часто остается неясным, когда этимологический **-т* отождествляется с современным суффиксом *-ет* отглагольных существительных. Здесь затрагивается вопрос об исходной основе образования словоформ с суффиксом *-теп* в коми языке. Есть мнение, согласно которому последние образуются от современного отглагольного имени на *-ет* + суффикс творительного падежа (СКЯ I 246; Fokos-Fuchs 1958 : 282; Серебренников 1963 : 304; Основы III 191), при этом схему образования словоформ с *-теп* идентифицируют со схемой образования деепричастий с суффиксом *-етеп*. Б. А. Серебренников объясняет изменение *pōtōmōn* > *pōtmōn* синкопой гласного и допускает существование отглагольных существительных с суффиксом *-еп*, где *э* — редуцированный гласный (Серебренников 1963 : 304). С этим трудно согласиться, потому что а) былое существование такого отглагольного существительного не доказано, неясны поэтому причины синкопирования гласного, если оно вообще произошло; б) семантически образования на *-теп* и *-етеп* различны, последнее легко разложимо на коаффиксы с прозрачными значениями. Образования на *-етеп* имеют схему: глагольное имя на *-ет* в роли имени действия + *-еп* — суффикс творительного падежа, например *сулалōмōн* : *сулалōм* 'стояние' + *-еп*, т. е. букв. 'стоянием, стоя'. Такие деепричастия представляют собой коми инновацию, в удмуртском их нет. И семантически, и по исходной форме, и по времени возникновения деепричастия на *-теп* и *-етеп* резко различаются, относясь к различным разрядам деепричастий: *-теп* — меры и степени действия, *-етеп* — сопутствующего действия. К тому же, например, если отбросить предполагаемый коаффикс *-ет* в словоформах *бōрдмōн* 'так, что можно заплакать', *пумōн* 'столько, что достаточно сварить', то у форм *бōрдм-*, *пум-* носителем языка грамматическое значение имени не воспринимается. Отсюда неясно, к какой основе присоединяется падеж-

ное окончание *-en*. Заслуживает внимания вывод Д. В. Бубриха: «непосредственно от глагола (с точки зрения современности) образуются вербальные наречия на *-mön*» (1949 : 142). Таким образом, как и в удмуртском языке, деепричастия на *-men* образуются от основы глагола. Первый консонант суффикса этимологически можно считать реликтом суффикса финно-угорских глагольных имен **-m* (Budenz 1884 : 202—208; Lehtisalo 1936 : 91—110; Основы I 344—346).

Относительно происхождения начального *m* в коми суффиксе *-men* Г. Штипа считает возможным, что *m* суффикса идентичен с начальным *m* послелога *mışt* 'после' (Stipa 1960 : 84—85). Нам представляется более аргументированной вышеизложенная точка зрения.

2.2. Элемент *-en*. Во втором элементе удмуртского суффикса *-ton* усматривается реликт финно-угорского суффикса глагольных имен **-n* (Fokos-Fuchs 1958 : 292). Этот элемент входит и в суффикс удмуртского причастия на *-no*, коми причастий на *-an*, причем часто **-n* отождествляют с современным удмуртским суффиксом причастий *-no* (Емельянов 1927 : 94; Серебренников 1963 : 301). Нам кажется, что при анализе суффикса имеет смысл разграничивать понятия «этимологически общий элемент **-n*» и «репрезентацию **-n* в разных суффиксах инфинитных глагольных форм», так как вполне возможно, что развитие суффиксов *-ton* и *-on* и приобретение ими своей семантики происходило самостоятельно из одних и тех же элементов.

В коми языке второй элемент считается суффиксом творительного падежа (СКЯ I 246: Суханова 1951 : 21; Fokos-Fuchs 1958 : 282; Серебренников 1963 : 304; Основы III 191). Однако при углубленном семантическом анализе предполагаемых коаффиксов данное утверждение вызывает сомнения: в словоформах *мудзм-өн уджавны* 'работать так, чтобы устать', *йöктым-өн гажöдчыны* 'веселиться так, чтобы плясать. до плясок' элемент *-en* не имеет значение орудийности, комитативное значение (чем. с чем) отсутствует. Да и как связать значение творительного падежа со значением количественной характеристики действия, со значением потенциального действия? Сомнения, на наш взгляд, усиливает тот факт, что инессив и инструменталь в пермских языках возникли сравнительно недавно. В древнейшую эпоху суффиксы этих падежей не были дифференцированы, оканчивались на гласные *i, e, i, e* плюс *n*, где гласный относился к основе: древнепермские тексты сохранили следы былой нерасчлененности, например, *н'ималанын* 'славою', *с'ургумön* 'в трубе, трубою' (Лыткин 1952 : 105). В современном языке функции этих падежей уже вполне дифференцированы, поэтому утрата или изменение падежного значения в коаффиксе неясна. Скорее всего мы здесь имеем дело не с падежным образованием, да к тому же и исходная основа, к которой бы присоединялся падежный суффикс, как уже показано, самостоятельно не осознается. Основываясь на этом, допустим, что в элементе *-en*, возможно, выступает реликт распространенного в финно-угорских языках признака инфинитных глагольных форм, который восходит к суффиксу финно-угорского глагольного имени **-n* (Budenz 1884 : 188—189; Lehtisalo 1936 : 123—129; Основы I 346—347). Среди инфинитных глагольных форм в коми языке реликты суффикса содержат признак инфинитива *-ni*, например, *уджавны* 'работать', суффикс причастий на *-an, -ana*, например, *котöртан морт* 'бегущий человек', *радейтана мц* 'любимая земля'.

2.3. Суффиксы *-men* и *-ton* очень близки по семантике, их единство заключается в выражении значения меры и степени действия как потенциального следствия основного действия в предложении: удм. *Вань*

юртъръёс зуркамон, пушкаос огадес ыбылзы 'Пушки в одно время стреляли так, что все постройки содрогались' (ГСУЯ I 290), коми *Пызан чегмён лосьодёма сёян-юансё* 'Наготовлено кушанья столько, что стол ломится' (КРФС 105). Как видим, в принципе идентичное значение осознается не по сумме значений коаффиксов, а в целом по суффиксу, а значения коаффиксов уже не осознаются. Семантическое сходство суффиксов, противоречивость традиционной трактовки истории суффикса *-теп* в коми языке позволяют предположить, что суффиксы *-теп* и *-топ* идентичные, довольно древние, с единым значением, которое возникло вместе с ними — приблизительно уже в начале существования общепермского праязыка. Но на основе разной употребительности отглагольных образований на *-теп*, *-топ* в современных языках (в удмуртском часто — Перевощиков 1959 : 80; в коми гораздо реже — Uotila 1938 : 60; Суханова 1951 : 20) предполагаем, что уже в прапермское время существовали диалектные различия в употреблении. Единство суффиксов доказывается и в функциональном плане.

Глагольные образования с суффиксами *-теп* и *-топ* в обоих языках — неизменяемые, поэтому краткий обзор использующих эти суффиксы морфологических категорий целесообразно объединить с описанием их функций в предложении.

3. Синтаксический аспект. Определить морфологическую категорию образований на *-топ* в удмуртском и на *-теп* в коми языках можно, только опираясь на их функции в предложении. Удивительное сходство отглагольных образований с рассмотренными суффиксами заключается в том, что они выполняют в основном функции определения и обстоятельства.

3.1. Функция обстоятельства меры и степени безоговорочно отмечается в грамматиках, хотя исторически, возможно, она уже вторична, или вначале сопутствует функции определения, а затем становится более частотной функцией. На основе этой функции в обоих языках выделяются деепричастия, например, удм. *Шунды яркыт пиштэ, юг-юг лымы син мальдымон ворекъя, кисьтаське* 'Ярко светит солнце, ослепительно сверкает, переливается белый свет' (ГСУЯ II 183), коми *Мортис кынмис лёздёмён* 'Человек замерз так, что весь посинел' (СКЯ II 67). В литературе встречаются разные взгляды на статус подобных образований в коми языке: они считаются вербальными или отглагольными наречиями (Бубрих 1949 : 135; СКЯ I 243; КПА 281), Х. Рятсеп называет формы с *-теп* наречными деепричастиями (Rätsep 1954 : 159), В. С. Суханова относит их в особую группу наречий, сохраняющих некоторые глагольные категории (1951 : 25). Наиболее объективно, на наш взгляд, положение о наречных деепричастиях. Примеры *Весиг Марпалён, отка нывбабалён, найос вёлі чукёртёма төвйымён нин...* (Юхнин 46) 'Даже у Марфы, у одинокой женщины, их (ягод и грибов) было собрано столько, что можно уже было перезимовать', *Пёрбдтёгыс поткёдас не ёна кыз пу, ыдждодас тайё потассё морт төрмён да прёйдитас сэтi* (Юхнин 133) 'Не рубя расколет не очень толстое дерево, расширит эту щель так, чтобы возможно было пролезть человеку, и пролезет там' показывают, что деепричастия на *-теп* имеют сложно организованную семантическую структуру, они выражают действие, сопутствующее главному и характеризующее его, входят в синтаксическую группу сказуемого, обозначая дополнительную предикацию, т. е. обладают всеми свойствами деепричастий (Мещанинов 1978 : 316, 320). Но с другой стороны, они выражают и основное наречное значение меры и степени, признака действия, его конкретизацию. В коми языке есть и

такие образования, которые уже полностью перешли в разряд наречий, потеряли глагольные характеристики: *Ныв кутис мунны тӧдчымӧн ӧдйӧнджык* 'Девушка стала идти заметно быстрее' (Суханова 1951 : 21). Подобный процесс переживают и удмуртские деепричастия на *-топ*: *Автомобильной парк шӧрдскымон паськытаз* 'Автомобильный парк заметно расширился' (ГСУЯ I 291).

По поводу употребления деепричастий на *-теп* в коми языке представляется необходимым констатировать некую конкуренцию между данными деепричастиями и деепричастиями с суффиксом *-теӷ*. На базе основного его значения — выражения побочного действия, следующего за главным действием, например *Дзол'асэ вайтээдзис уджалис* 'Работала, пока не родила меньшого' (ВВД 116) (кстати, такой тип деепричастия в финно-угорских языках встречается только в пермских языках и представляет оригинальное явление (Rätsep 1954 : 340, 428)) — развилось значение меры и степени действия, например *гати устӧдз пӧрйалны* 'обмануть до такой степени, что упадешь с ног' (ССД 57). Такое значение сходно со значением деепричастия на *-теп* и, по нашим наблюдениям, в речи людей среднего и молодого возраста формы на *-теӷ* вытесняют формы с *-теп*; например, в парах деепричастий *пӧтмӧн ~ пӧттӧдз* 'досыта, до насыщения', *кочкавмӧн серавны ~ кочкавтӧдз серавны* 'смеяться до коликов', *лӧтавмӧн уджавны ~ лӧтавтӧдз уджавны* 'работать до обессиления' формы на *-теӷ* кажутся более свежими, более приемлемыми. Возможно, соотношения внутри системы деепричастий коми языка прямо влияют на снижение употребляемости деепричастий с *-теп*.

3.2. Функция определения. На основе функционирования в атрибутивной функции в удмуртском языке образования на *-топ* отнесены к причастиям, например: *Ю шертӱсьёс заготпунктэ келяны тырмымон тысь дасям беразы бертӱзы шутэтскыны* 'Сортировщики возвратились домой отдыхать, после того как приготовили зерна, достаточного для отправки на заготпункт' (ГСУЯ I 266). Значит, в удмуртском языке формы с *-топ* грамматически не однозначны, могут быть и причастиями, и деепричастиями. Причастия выражают возможное или необходимое действие, произведенное в отношении предмета, и воспринимаемое как проявление пассивного признака предмета, например *учкымон суред* 'такая картина, что следует посмотреть', или возможное или необходимое действие лица (или предмета) как проявление активного его признака, например *армие мыномын пи* 'такой сын, что может идти в армию', *бызьымон ныл* 'такая дочь, что может идти замуж' (Перевощиков 1959 : 86).

В коми языке образования на *-теп* в функции определения в грамматиках и исследованиях по синтаксису не отмечаются, но такое употребление уже фиксировалось. А. Генетц отнес формы с *-теп* к Verbalpartina, а не к Verbaladverbe (Genetz 1897 : 56); Т. Утила сравнил коми *-теп* с удм. *-топ* (Uotila 1938 : 60), вероятно, имея в виду и функциональное сходство. В. С. Суханова выделяет такие случаи в особый раздел и говорит о чисто качественной семантике образований на *-теп* в примерах: *Мӧдар помсянь кылӱс муртса кывмӧн гӧлӧс* 'С другого конца слышался едва слышный голос', *Быдмӧмаӧсь найӧ тани гырыся, кык сывйӧн муртса судзмӧн* 'Выросли они здесь большими, две сажени в обхват едва хватят' (1951 : 22). Но подобные случаи она считает разновидностью употребления деепричастных наречий. П. Н. Перевощиков обратил внимание на примеры В. С. Сухановой и пришел к выводу, что коми глагольные образования на *-теп*, как и удмуртские,

грамматически не однозначны и выступают в значении причастия: *Вõрьсы аддзи ытшкымõн турун* 'В лесу видел столько травы, что косить можно' (1959 : 84—85).

Действительно, словоформы с суффиксом *-тєп* в таком употреблении, как и причастия, выражают действие (состояние) как признак объекта, стоят в препозиции к нему и выполняют функцию определения: *А гумласõ шõрõдыс потшõма да вõчõм сылы прõдитмõн восьсаин, быттõ нейдждь завор, кытчõ октõма сьõла вылõ си* (Юхнин 46) 'А посредине гумно перегорожено и сделан проход такой, чтобы он (рябчик) смог пройти, как небольшой забор, куда расставлен силок для рябчика', *Тані жõ õвлõ нейдждь сёян запас, истõг либо тывкõрт да биа из, некымын вой узьмõн пєс* (Юхнин 103) 'Здесь же бывает небольшой запас еды, спички либо огниво, дров столько, что достаточно спать несколько ночей'. Вторая основная функция их в предложении — функция предикатива: *Скõрлуныс сылõн вõлõн-дод'д'õн кыскымõн* 'Злости у него столько, что на санях только увезти' (ССД 222), *Шмõtьялõ-ветлõ му вывти дозмõр, ... а вежõрыс сõмын курõглы кокыштмõн — оз и тõдлы, сяся юрсõ лзкõ* (Юхнин 46) 'Грузно ходит по земле глухарь, ... а ума у него столько, что только курице клонуть — и не узнает, как сунет голову в силок'. Несмотря на редкое употребление, отглагольные образования на *-тєп* в атрибутивной функции имеют все основания быть выделенными в отдельную форму причастий в коми языке. В сравнении с удмуртскими коми причастия на *-тєп* уже по семантике: пока не зафиксированы случаи активного употребления. Д. Фокош-Фукс считает определительную функцию словоформ на *-тєп* в коми языке вторичной (Fokos-Fuchs 1958 : 282). Нам кажется, что определительная функция была первичной, как и в удмуртском. Об этом говорит и наличие постоянных атрибутивных сочетаний, которые хотя и приводились ранее в рубриках «деепричастие», на самом деле являются причастными, например *сõлэм потмõн шог* (ВВД 115) 'такое горе, что сердце может разорваться', *õччыд лонтымõн пєс* (ПСД 157) 'дрова, достаточные один раз протопить печь', *во вуджмõн н'ан'* (Там же) 'хлеб, достаточный прожить год', *кõрталмõн йõй* 'дурак такой, что его необходимо привязывать; набитый дурак' (ССД 57).

Данные финно-угорских языков показывают, что конверсный процесс по общей схеме: причастие → инфинитная глагольная форма в функции причастия и деепричастия → деепричастие, наблюдается во многих языках, на этом основан второй тип образования деепричастий в финно-угорских языках — признак инфинитной глагольной формы без падежного окончания. Схема условна, так как в древнейшее время, возможно, было изначально полифункциональное употребление, да и в разных языках картина довольно пестрая. Например, в марийском языке деепричастия возникли из причастий (Галкин 1964 : 167). Н. И. Исанбаев приводит примеры атрибутивного употребления деепричастий на *-н*, например *пидын йолын* 'в лаптях (букв. с обутыми ногами)', *йогын вїд* 'текучая вода' (1955 : 4). Пассивное причастие прошедшего времени в эстонском языке употребляется в функции деепричастия (Rätsep 1954 : 361), например, Э. Ууспыльд приводит: *Käed välja sirutatud, rutatas onu külalisele vastu* 'Протянув руки, дядя поспешил навстречу гостю' (1964 : 17). В саамском языке во всех диалектах Кольского полуострова причастие на *-тєп* выступает в качестве деепричастия (Керт 1971 : 201). Это характерно и для языков других групп, например в русском языке деепричастия восходят к кратким причастиям действительного залога настоящего и прошедшего времени (Иванов 1983 : 363).

Сокращения

ВВД — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966 (Историко-филологический сборник, вып. 10); **ГСУЯ I** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **ГСУЯ II** — Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **КРФС** — И. И. Тарабукин, Краткий коми-русский фразеологический словарь, Сыктывкар 1959; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962; **Основы I** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974; **Основы III** — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва 1976; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **СКЯ I** — Современный коми язык. Ч. I. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955; **СКЯ II** — Современный коми язык. Ч. II. Синтаксис, Сыктывкар 1967; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесыольский диалект коми языка, Москва 1980; **Юхнин** — В. Юхнин, Алёй лента, Сыктывкар 1981.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам, Москва.
- Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка, Йошкар-Ола.
- Емельянов А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Иванов В. В. 1983, Историческая грамматика русского языка, Москва.
- Исанбаев Н. И. 1955, *Н*-овые деепричастия в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Москва.
- Керт Г. М. 1971, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис, Ленинград.
- Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык, Москва.
- 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- Мещанинов И. И. 1978, Члены предложения и части речи, Ленинград.
- Перевощиков П. Н. 1959, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск.
- Серебренников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Суханова В. А. 1951, Деепричастные наречия в коми языке. Автореф. канд. дисс., Петрозаводск.
- Успыльд Э. 1967, Структура и значение обстоятельственных конструкций с центральным словом — глагольной формой на *-des*, *-mata*, *-nud* (*~nuna*), *-tud* (*~tuna*). Автореф. канд. дисс. Тарту.
- Budenz, J. 1884, *Az ugor nyelvek ősszehasonlító alaktana*, Budapest.
- Fokos-Fuchs, D. 1958, *Die Verbaladverbien der permischen Sprachen*. — *ALHung*. VIII, 273—341.
- Genetz, A. 1897, *Ost-permische sprachstudien*. — *JSFOu* XV, 1—57.
- Kövesi, M. 1965, *A permi nyelvek ősi képzői*, Budapest.
- Lehtisalo, T. 1936, *Über die primären uralischen ableitungssuffixe*, Helsinki (MSFOu LXXII).
- Rätsep, H. 1954, *Infiniitsed verbivormid soome-ugri keeltes*, Tartu (Рукопись).
- Stipa, G. 1960, *Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen*, Helsinki (MSFOu CXXI).
- Uotila, T. 1938, *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis*, Helsinki.

JEVGENIJ CYPANOV (Tartu)

ABOUT THE ORIGIN OF THE SUFFIX *-mən* IN THE KOMI LANGUAGE

The article deals with the suffix *-mən* in the Komi language in connection with the suffix *-mon* in the Udmurt language. An attempt is made in the paper to give another interpretation of the suffix *-mən* on the basis of the traditional treatment of its history (*-m* as the suffix of the contemporary verbal noun with the common meaning of *nomen actionis* + *-ən* as the suffix of the instrumental case). It is quite possible that this suffix is identical with the Udmurt suffix *-mon* (*-m* as a relic of the Finno-Ugric suffix of the verbal nouns **-m* and *-n* as a relic of the Finno-Ugric suffix of the verbal nouns **-n*). Attention is centred on the similarities in the grammatical meanings of the suffixes.